АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 903.2

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-3/57-74

Е.А. Гирченко, Д.А. Иванова, С. Ито*

РАННИЙ НЕОЛИТ АРХИПЕЛАГА РЮКЮ И ОСТРОВА ТАЙВАНЬ**

Статья посвящена недостаточно освещенной в российской научной литературе проблеме возникновения и преемственности гончарного производства на архипелаге Рюкю и острове Тайвань. Благодаря своему уникальному расположению Рюкю привлекает внимание специалистов самых разных научных направлений. Находясь на перекрестке традиций континентальной и островной части Восточной и Юго-Восточной Азии, он стал площадкой для формирования двух культурных зон – «австронезийской» и «дзёмонской». В археологическом материале наблюдаются связи южной группы островов (о-ва Сакисима) с о. Тайвань и контакты центральной и северной группы островов с югом Кюсю. Вопрос о происхождении и культурной принадлежности первых поселенцев о. Тайвань рассмотрен отдельно и является также дискуссионным ввиду неясности происхождения раннего неолита острова и его связи с материком. В этой связи анализ археологического материала архипелага Рюкю и памятников по двум берегам Тайваньского пролива дает возможность проследить истоки и этапы колонизации островов, специфику культурогенеза, устойчивость и гибкость адаптации в условиях проживания на островах (изоляция, уникальная экосистема коралловых рифов, колебание климата и уровня моря).

Ключевые слова: ранний неолит, Восточная Азия, архипелаг Рюкю, остров Тайвань, дзёмон, культура дабэнькэн, керамика, миграции

The early Neolithic Age of Ryukyu Archipelago and the main island of Taiwan.
EKATERINA A. GIRCHENKO (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), DARYA A. IVANOVA (Far Eastern Federal University), SHINJI ITO (Seinan Gakuin University)

* ГИРЧЕНКО Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

ИВАНОВА Дарья Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: ivanova.dale@dvfu.ru

ИТО Синдзи, PhD, профессор кафедры межкультурных исследований Университета Сейнан Гакуин.

E-mail: s-ito@seinan-gu.ac.jp

© Гирченко Е.А., Иванова Д.А., Ито С., 2020

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект №19-18-00003.

Авторы выражают глубокую признательность за помощь в работе с материалами научному сотруднику Института археологии Академии общественных наук КНР Чжоу Чжэньюю и всем китайским коллегам Центра изучения австронезийских культур (дер. Шанпань, о. Пинтань, пров. Фучжоу); профессору Института истории и филологии Академии Синика Чэнь Гуанцзу за помощь в работе с публикациями и комментарии по тематике статьи.

The article focuses on the issue of emergence and continuity of pottery production on Ryukyu Archipelago and the main island of Taiwan, a topic insufficiently covered in Russian archaeological scholarship. Due to its unique location, Ryukyu Archipelago attracts the attention of specialists from various scientific fields. Located at the crossroads of traditions of the continental and insular parts of East and Southeast Asia, the Ryukyu Islands became the ground where two major cultural zones – «Austronesian» and «Jōmon» – are formed. The archaeological material shows connections between the southern Ryukyu and the main island of Taiwan, as well as between the central Okinawa, northern Amami and south Kyushu. The question of origin and cultural identity of the first settlers of Taiwan is paid special attention in this article due to its controversy. In this regard, the analysis of the archaeological material from Ryukyu Archipelago and the archaeological sites from both sides of the Taiwan Strait makes it possible to trace the origins and stages of insular colonization, the features of cultural growth, the way of adaptation to the living conditions of the islands such as isolation, unique ecosystem of coral reefs, climate and sea level fluctuations.

Keywords: Early Neolithic Age, East Asia, Ryukyu Archipelago, main island of Taiwan, Jōmon, Dabeng culture, pottery, migration

Введение

Традиционно время появления ранней керамики на главных островах Японского архипелага связывают с эпохой дзёмон и ее изначальным периодом (16 500 – 11 345 кал. л.н.)¹. Наиболее древние даты в интервале 16 500 – 15 860 кал. л.н. (ок. 13 800 л.н.) получены по материалам стоянки Одай Ямамото I (преф. Аомори). На территории Кюсю первые свидетельства гончарного производства документируются находками в пещерах Фукуй (15 850 – 14 050 кал. л.н., ок. 12 645±35 л.н.) и Сэмпукудзи (14 500 кал. л.н., 12 220±80 л.н.), локализованных на севере острова в преф. Нагасаки, и памятником Санкакуяма I (14 110 – 13 760 кал. л.н., 12 080±70 л.н.), находящимся на о. Танэгасима, на юге префектуры Кагосима [3, с. 3–10].

На всей территории архипелага на протяжении изначального дзёмона выделяют несколько фаз развития, маркерами которых выступают варианты декоративного оформления керамики. Среди специалистов нет единства в классификации ранней керамики. Одни акцентируют внимание на четырех базовых фазах

развития орнамента, основываясь на классификации Ясухиро Танигути [41]. Другого мнения придерживается Кэнъити Кобаяси, который предлагает детальную классификацию, выделяя внутри базовых типов орнамента подтипы: I. неорнаментированная керамика *мумон доки* (16 500 – 15 000 кал. л.н.); II. керамика, орнаментированная тонкими линейными аппликациями *рю:сэнмон доки* (15 540 – 14 170 кал. л.н.); III. керамика, декорированная ямками (ямочными вдавливаниями) *энко:мон доки* и сосуды с ногтевидным орнаментом *цумэга-тамон доки* (14 170 – 12 930 кал. л.н.); IV. керамика, декорированная отриском скрученного растительного волокна, нанесенного путем вдавливания его в поверхность сосуда *о:ацу дзёмон доки* (12 930 – 12 485 кал. л.н.); V. керамика, декорированная отриском шнура, нанесенного в технике прокатывания по стенке сосуда *тадзёмон доки* (12 930 – 11 345 кал. л.н.) [3, с. 3–4]. Проблема в том, что базовая периодизация декоративных элементов керамики изначального дзёмона частично, а иногда и полностью не соотносится со временем появления и распространения гончарного производства в юго-западной части Японского архипелага – начиная с южной части о. Кюсю и до группы о-в Сакисима.

Задача нашего исследования состоит в рассмотрении особенностей появления и развития первых гончарных традиций на территории архипелага Рюкю (Рис. 1: А). Выбор данного района обусловлен современным состоянием

¹ В силу того, что многие японские данные по ранней керамике получены методом AMS и XRF, во введении и в части, посвященной раннему гончарству архипелага Рюкю, используются преимущественно калиброванные даты. Однако для корреляции с материалом Тайваньского пролива некоторые даты будут продублированы в соответствии с радиоуглеродным методом 14С.

изученности проблемы о времени и путях первоначального заселения Японского архипелага, а также возможности существования южного очага появления и развития орнаментальных традиций изначального дзёмона со стороны Южного Китая через неолитические культуры Тайваня. Особый интерес представляет публикация новых данных по керамике из пещеры Сирахо-Саонэtabару (о. Исигаки) [40].

Многие специалисты сходятся во мнении, что в конце плейстоцена – голоцене архипелаг Рюкю был колонизирован минимум двумя группами охотников-собирателей [23; 25; 33]. На базе анализа археологического материала подтверждено существование двух культурных зон. В первую зону входит южная часть Рюкю – группа о-в Сакисима, на территории которых отмечается «австронезийское» влияние. Вторая зона объединяет центральную и северную часть Рюкю – Окинавские острова и о-ва Амами. В силу близких контактов с о. Кюсю в этом районе преобладало «дзёмонское» влияние [33].

Все три группы островов были заселены еще в плейстоцене (38 – 35 тыс. кал. л.н.), когда уровень моря был ниже современного на 80 м. Самая ранняя морская миграция на территорию Японского архипелага произошла примерно 38 тыс. кал. л.н. со стороны Корейского полуострова на Кюсю. Согласно современным данным, архипелаг Рюкю был последовательно заселен в интервале 36 – 35 тыс. кал. л.н. [41]. Археологические, палеоантропологические и генетические данные подтверждают, что колонизация отдельных районов Рюкю осуществлялась разными популяциями, мигрировавшими как с юга (Индонезия, Филиппины, Тайвань), так и с севера (Кюсю, Корея, Северный Китай) [5]. Согласно палеогеографическим реконструкциям, многие острова архипелага сформировались в конце плейстоцена, однако они были расположены далеко друг от друга, что затрудняло передвижение древнего человека [35, р. 416–417]. В 2013 г. в рамках экспериментальной программы «Holistic Re-enactment Project of the Voyage 30 000 Years Ago», проведенной группой ученых из Национального музея природы и науки (г. Токио) и Национального музея древней истории Тайваня (г. Тайдун), был реализован проект, посвященный изучению мореплавания в Восточной Азии. В рамках проекта проанализированы остатки лодок-долбленок и каноэ эпохи дзёмон (более 160 экз.). Однако, учитывая высокую кислотность почв во всем

регионе, наиболее ранние даты относятся к промежутку 10 000 – 9 500 кал. л.н. Среди альтернативных средств мореходства могли эксплуатироваться плоты и бамбуковые лодки, которые используются на Тайване и в Китае как речной транспорт и в настоящее время. Эксперименты, проведенные в 2017–2018 гг. показали, что использование бамбука в качестве материала лодок нерентабельно в силу многих факторов. Вероятно, для морской миграции в конце плейстоцена лодки выдалбливались из стволов более прочных пород древесины (японский кедр, каштан и др.) [41].

Особенности раннего неолита архипелага Рюкю

Архипелаг Рюкю – группа островов вулканического происхождения, расположенных в Восточно-Китайском море, которые в 1879 г. были включены в состав Японии и в настоящее время административно разделены между префектурами Кагосима (о-ва Амами и Токара) и Окинава (Окинавские острова и о-ва Сакисима). Всего в состав архипелага входят 98 островов, из которых заселено около половины. Архипелаг простирается на 1 200 км от Кюсю до Тайваня и подразделяется на три района: северный (крупные о-ва Яку, Танэгасима), центральный (Окинава, Амами) и южный (группа Сакисима – Мияко, Исигаки, Яэяма).

Археологические изыскания на этой территории начались более 100 лет назад и связаны с именем первопроходца японской археологии Тории Рюдзо (1904 г., раковинная куча Кабира, о. Исигаки). В последующие годы открывается ряд опорных для этого района памятников на о-вах Окинава и Амами: Иха (1911 г.), Огидо (1921 г.), крепость Гусуку (1927 г.), Омонава (1932 г.), Яэяма (1962 г.). В середине 1950-х г. формулируются первые периодизационные схемы, а в 1960-х – 1970-х гг. появляются работы, посвященные миграции древних людей и заселению островов в период плейстоцена [32]. На сегодняшний день коллекции археологических материалов архипелага Рюкю представлены тремя кластерами – эпохой палеолита (32–10 тыс. л.н.), периодом культуры раковинных куч (10 000 л.н. – XI–XII вв.), и периодом гусуку (XII–XVII вв.) [11; 10].

Как уже упоминалось, заселение архипелага началось в конце плейстоцена, что подтверждается по данным 13 стоянок, расположенных на территории преф. Окинава [35].

Рис. 1. Расположение основных памятников, упоминаемых в статье:

- А: 1 – Сирахо-Саонэtabару; 2 – Ямасита-тё I; 3 – Сакитари;
4 – Пиндза-abu; 5 – Минатогава; 6 – Ябути; 7 – Симотабару;
В: 8 – Таньшишань; 9 – Кэцюту; 10 – Фугодунь; 11 – Дабэнькэн;
12 – Наньгуаньли; 13 – Наньгуаньлидун; 14 – Фэнбитоу.

Самые известные местонахождения останков *Homo sapiens sapiens* – пещера Ямасита-тё I (ок. 36 000 кал. л.н., г. Наха), пещера Сакитари-до (35 000 кал. л.н., г. Нандзё), памятник Пиндза-abu (30 000 кал. л.н., г. Миякодзима), пещера Сирахо-Саонэtabару (27 000 кал. л.н., г. Исигаки), памятник Минатогава (22 000 кал. л.н., пос. Яэсе), пещера Гохэдзу (22 000 кал. л.н., с. Иэ) (Рис. 1: А). В большинстве случаев человеческие останки не сопровождаются находками каменных орудий, за исключением комплексов Ямасита-тё I (три каменных орудия из песчаника), Пиндза-abu, пещер Гохэдзу, Сакитари-до и Сирахо-Саонэtabару [8, с. 22–23].

С точки зрения хронологической последовательности к интересующему нас периоду раннего неолита относится пещерный комплекс Сакитари-до (Рис. 2). В слое I раскопа I (16 805 – 13 195 кал. л.н., ок. 15 570 – 12 200 л.н.) были найдены 10 орудий на отщепах из кварца, без четко выраженной формы, несколько отбойников, изделий и украшений из раковин. Керамика в слое не зафиксирована. Ряд исследователей связывают традицию изготовления орудий на отщепах без четко выраженной формы с тайваньской культурой чанбинь и палеолитическими индустриями Филиппинских островов. В слое VB раскопа II обнаружен самый ранний

образец керамики с прямоугольными оттисками (*осибикимон*), что позволило отнести его к начальному дзё:мону (9 700 – 8 700 л.н.)². Из слоя IVC выкопано 100 черепков, украшенных прочерченными линиями (*хадзё:мон*) и ногтевидным орнаментом (*нанто: цумэгатамон*). Слой датирован 6 500 – 4 000 л.н. (ранний – средний дзё:мон). Цвет черепков варьируется от коричневого до красно-коричневого и черновато-коричневого, с включениями кварца и песка [8, с. 132–136; 9, с. 308].

Самой ранней керамикой, обнаруженной на территории архипелага Рюкю, считаются черепки из пещерного комплекса Сирахо-Саонэtabару о. Исигаки (Рис. 3). Согласно отчету 2017 г., в слое III-B совместно с орудиями на отщепах без четко выраженной формы, изготовленных из кварца, залегали фрагменты (18 шт.) неорнаментированной керамики *мумон доки*. Это небольшие экземпляры тонкостенной и толстостенной керамики, от коричневого до красно-коричневого и темно-коричневого цветов, с минеральными включениями (кварц, известняк, песок). По нагару с черепка SRS094 имеется дата в интервале 10 517 – 10 404 кал. л.н. (ок. 9 268±32 л.н.), что соответствует пери-

² Если ориентироваться на периодизацию центральных островов Японского архипелага.

оду начального дзё:мона [7, с. 80–83, 126; 40, р. 3]. Помимо керамики комплекс Сирахо-Саонэtabару известен ранними погребениями, которые относятся ко времени позднего палеолита (27 685 – 19 791 кал. л.н.; всего 19 костяков) [7, с. 123–129].

На территории центральной части архипелага Рюкю экземпляры раннеолитической керамики известны по материалам пещеры Ябути (о. Окинава) (Рис. 4). В слое № 17 траншеи ТР-3 в мусорной куче из раковин и костей дикого кабана, находились фрагменты сосуда начального дзё:мона. Несколько черепков толстостенной керамики, декорированных прочерченным узором волнообразной формы (*хадзё:мон*). Однако подавляющее большинство не орнаментировано. По слою № 17 имеется дата 10 495 – 10 229 кал. л.н. (ок. 9–8,5 тыс. л.н.) [9, с. 307–308]. В нескольких метрах от траншеи ТР-3, у самого входа в пещеру, была заложена траншея ТР-2. В ней раскопано скопление керамики, декорированной ногтевидным орнаментом (*нанто: цумэгатомон*), которая позднее получила название керамика стиля *ябути* (ранний дзё:мон). Помимо черепков в слое обнаружено четыре каменных топора, расколотые раковины и фрагменты костей животных [6, с. 26–29].

Традиционно формирование гончарной традиции в центральной и северной части Рюкю маркируют стилями *ябути*, *агашибару*, *собата*, которые относят к раннему дзё:мону (7 000 – 6 500 кал. л.н.). Для них характерны круглодонные и остронодонные сосуды. Из декоративных элементов преобладают оттиски пальца (*сито: акконмон*) и ногтевидный орнамент (*нанто: цумэгатомон*). Позже появляются прочерченный орнамент (*хадзё:мон*) и линейные аппликации (*рю:кисэнмон*). Все эти типы орнамента характерны для эпохи дзё:мон и формируются под влиянием мигрантов с Кюсю [25; 9].

На юге архипелага (группа о-в Сакисима) появление керамики традиционно связано с периодом 4 800 – 3 600 л.н. Данный феномен получил название культура/стиль *симотабару*, в честь одноименного памятника Симотабару (о. Хатерума). Керамика *симотабару* подразделяется на две фазы – раннюю (4 800 – 4 200 л.н.) и позднюю (3 900 – 3 600 л.н.). В стиле преобладают толстостенные (более 1 см) горшки и миски, с круглым или плоским дном, прямым венчиком и ручками по бокам. Также встречаются тонкостенные сосуды (менее 5 мм). Из-за особенностей глины и низкой температуры об-

жига сосуды имеют красный оттенок (красновато-коричневый). Реже встречаются черепки черно-коричневого и желто-коричневого цвета. В составе формовочной массы присутствуют минеральные включения (полевошпат, кварц, реже – песок). Тулово сосудов частично покрыто узором из прочерченных линий (*хадзё:мон*), ногтевидных оттисков (*цумэгатомон*) и ямочного орнамента (*ситоцумон*), однако подавляющее большинство горшков не орнаментировано [2].

Такими образом, ранние образцы керамики с памятников Сирахо-Саонэtabару и Ябути появляются на архипелаге на несколько тысяч лет позже, чем их аналоги на Кюсю и на о. Танэгасима (памятники Санкакуяма I и Окунонита) [24]. Если провести сравнение между гончарным производством в преф. Окинава и на Кюсю, то в первой области отчетливо наблюдается отставание. Так, например, керамика южных островов, декорированная ногтевидным орнаментом (*нанто: цумэгатомон доки*), известная также как стиль *ябути*, получает распространение в начале раннего дзё:мона (7 000 кал. л.н.). В то время как на севере Кюсю сосуды с ногтевидными оттисками (*цумэгатомон*) появляются в районе 14 345 – 13 235 кал. л.н. (ок. 12 800 – 12 300 л.н.), а на юге острова – ок. 13 100 – 12 800 кал. л.н. (11 220 – 10 920 л.н.) [3, с. 4–10].

С другой стороны, керамический комплекс пещеры Сирахо-Саонэtabару в настоящее время является одним из древнейших примеров использования керамики в островной части Юго-Восточной Азии, включая о. Тайвань и Филиппины. Ввиду отсутствия достаточного количества данных дискуссионной остается связь между носителями гончарной традиции Сирахо-Саонэtabару и керамикой ранней фазы стиля *симотабару* [40]. Из-за близкого положения к о. Тайвань (250 км) многие специалисты говорят о торговых отношениях или культурных контактах между аборигенами данных островов (керамика, каменные орудия, изделия из раковин), результатом которых стала преемственность материальной культуры среднего неолита восточной части Тайваня (культура фушань) [41].

Происхождение неолита Тайваньского пролива

Остров Тайвань отделен от материка, юго-восточного побережья провинции Фуцзянь КНР, проливом, составляющим в ширину около 160–380 км, в длину – 398 км. Он является самым южным из проливов гряды Рюкю и соеди-

Рис. 2. Пещерный памятник Сакитари-до [8]:

- 1 – пещера Сакитари-до: а – фото внутри пещеры, б – общий план пещеры; 2 – стратиграфия памятника;
3 – артефакты: а – орудия на отщепах, без четко выраженной формы (кварц);
б – керамика начального дзэ:мона, с орнаментом из прямоугольных оттисков (осибикимон);
в – керамика раннего дзэ:мона с узором из прочерченных линий (хадзэ:мон)

Рис. 3. Пещерный комплекс Сирахо-Саонэтабару [7; 40]:

- а – фото памятника; б – план памятника; в – орудия на отщепах, без четко выраженной форма (кварц);
г – фрагменты неорнаментированной керамики (мумон доки), начальный дзэ:мон;
д – фото захоронения позднепалеолитического времени

Рис. 4. Пещерный памятник Ябути [6, с. 309]:

а – общий план пещеры; б – фото пещеры; в – фото культурного слоя № 17 TP-3;
г – артефакты начального – раннего дзёмона

няет Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря (Рис. 1: В). Остров расположен на конце континентального шельфа. Плейстоценовое оледенение 20–30 тыс. л.н. опустило уровень Восточно-Китайского моря вплоть до 140 м, образуя сухопутный мост между Тайванем и материком [22, с. 381–390]. На Тайване находят археологические стоянки древнего человека палеолитической эпохи. Это, например, памятник Чанбинь в уезде Тайдун на восточном побережье [36, р. 179]. На данный момент нет никаких сведений о преемственных связях между палеолитическими памятниками и неолитом данного района [29, с. 245]. Только с началом неолита, представленного на острове культурой дабэнькэн, можно говорить о массовом заселении сначала побережья, затем всего острова и, соответственно, значительных изменениях в численности населения.

В раннем голоцене 10 тыс. л.н. льды отступили и уровень Восточно-Китайского моря повысился, формируя Тайваньский пролив и отрезая остров от материка. Всего на настоящий момент зафиксировано 12 периодов изменения гидрологического режима территории (шесть периодов повышения уровня воды в проливе и шесть периодов его понижения). В теплые периоды вода в проливе была выше на 20–60 м. Подобные явления фиксируются и археологически – в теплое время поселения расположены выше по суше на 30–60 м. Синхронные изменения фиксируются и на противоположном берегу, на побережье провинций Фуцзянь и Гуандун [21; 31]. Так, например, неолитическое

поселение Таньшишань на северном берегу р. Миньцзян расположено в более 20 км от ее нынешней дельты, и при этом среди находок Таньшишань много морских раковин, что говорит о том, что береговая линия во время заселения поселения была ближе. Период 10 тыс. л.н. отмечается постепенными климатическими изменениями и сменой растительности, появляются теплолюбивые восковые тыквы (*Benincasa hispida*), каштаны (*Castanea*), болотница сладкая (*Eleocharis dulcis*) и т.д. [38]. 6 000 – 5 500 л.н. температура была на 2,5° выше современной и примерно 3 тыс. л.н. упала до уровня середины XX в. [21, р. 4]. Таким образом, урез воды в период 10–3 тыс. л.н. по двум берегам Тайваньского пролива был выше современного, что создавало комфортные природные условия для существования человека – с влажным теплым воздухом и богатыми морскими ресурсами. Большинство стоянок находились на побережье, но, как показывают археологические материалы, имели место охота и собирательство, направленные на освоение большого количества ресурсов во внутренних лесах.

Ко времени 6 000 – 5 500 л.н. [1, с. 24] относятся первые неолитические поселения культуры дабэнькэн, носители которой заселили большую часть западного побережья и архипелаг Пэнху [20, р. 141–143; 13, с. 14]. На данный момент памятники раскинуты по всему западному побережью острова. Наиболее исследованными являются эпонимный памятник Дабэнькэн к югу от устья р. Даньшуй близ г. Синьбэй, Бацзяцунь в уезде Тайнань, Гое и Лиюйшань в уезде

Пэнху, Наньгуаньли и Наньгуаньлидун в уезде Тайнань. Культура была выделена Чжан Гуанчжи в 1960-х гг. и делится на ранний (4 000 – 2 800 гг. до н.э.) и поздний (2 800 – 2 200 гг. до н.э.) периоды. Им же [14] и Питером Бэллвудом [17; 19] была высказана теория о том, что остров был заселен носителями материковых керамических традиций. Также Чжан Гуанчжи был первым исследователем, предположившим, что неолитические памятники на побережье могли быть оставлены предками современных австронезийских народов [21, с. 6].

Ранние памятники расположены на холмах по побережью или в долинах рек. Хозяйственная деятельность первых поселенцев характеризуется в первую очередь наличием многочисленных раковинных куч, расположенных на небольших возвышенностях или на прибрежном мелководье. В ранних слоях зерна злаковых отсутствуют, а в поздний период дабэнькэн в материалах юго-западных памятников Тайваня Наньгуаньли и Наньгуаньлидун находят уже как зерна риса *Oryza sativa*, так и просо *Setaria italica*. Ввиду недостатка археоботанических данных и датировок фаунистических остатков ранне-неолитических объектов природа раннего доземледельческого периода дабэнькэн остается не до конца ясной. Вероятнее всего, мигранты с материка принесли с собой на остров культуру возделывания земли, но исследование зерен риса радиоуглеродным методом датирования показало даты не старше 2 500 л.н. [16], поэтому, вероятно, имело место несколько инфильтраций с материка, каждая из которых давала новый толчок к развитию земледелия.

Керамика памятника Дабэнькэн характеризуется следующими признаками: 1. сосуды массивные, толстостенные, с большим содержанием примесей песка и различной цветностью ввиду низкотемпературного обжига; 2. основные формы – круглодонные горшки и кувшины с широким туловом и узким устьем, а также круглодонные миски с различными модификациями ручек-ушек; 3. орнаментация оттисками шнура, волнообразными линиями, зигзагами или сочетанием прямых и дугобразных линий, двух и более параллельных линий (прочерченных или наносимых гребенкой) (Рис. 5). В качестве штампа использовались и раковины (орнаментация как внешней стороной, так и волнистым краем). Поверхность сосудов могла быть покрыта красным ангобом, но количество расписной керамики незначительно [1, с. 24–

26]. Каменный инвентарь представлен четырехугольными в поперечном сечении топорами, шлифованными теслами с плечиками, а также треугольными и иволистными наконечниками стрел, грузилами, иглами, ножами, колотушками для производства луба.

Известный памятник культуры дабэнькэн Наньгуаньли расположен на территории Южного научно-технического парка в районе Шаньхуа уезда Тайнань. Неолитический культурный горизонт, расположенный на глубине 7 м, обнаружен в процессе строительных работ. Итоговая площадь раскопок составила около 1 000 м². Керамика представлена чашами и кувшинами, типологически близкими по форме материалам Бацзяцунь и Гое, рыжеватыми или темно-коричневыми, с отпечатками шнура или насечками, а также крашенными сосудами. Каменные орудия представлены преимущественно шлифованными теслами, наконечниками стрел и грузилами. Тесла, как с плечиками, так и квадратные в сечении, выполнены из оливинового базальта. Был обнаружен и фрагмент колотушки для производства луба. Вместо каменных ножей использовалось большое количество жатвенных ножей из раковины плакуны тропической. Находятся проколки, бусины из костей и рогов оленей, кости оленей, свиней и собак. Также этот археологический объект известен находками карбонизированных зерен риса. На данной территории не зафиксировано никаких признаков устройства полей, скорее всего, существовала богарная система культивирования риса [39, р. 180]. К памятнику относятся 12 захоронений, половина из которых принадлежит детям. Трупоположение на спине с вытянутыми конечностями, головой на юг. Зафиксировано ритуальное удаление зубов у погребенных. 10 дат, полученных методом радиоуглеродного датирования, укладываются в диапазон от 4 800 до 4 300 л.н. [29, с. 250–251].

Памятник Наньгуаньлидун находится в 500 м от Наньгуаньли. Неолитический слой расположен на глубине от 7 до 8 м. Раскопанная площадь составляет 2400 м². Материалы аналогичны Наньгуаньли, но на данном поселении найдены тысячи карбонизированных зерен просо, морфологически близких щетиннику итальянскому (*setaria italica*) (Рис. 6) [29, с. 251–252]. Находки костей морских рыб говорят о том, что широко практиковалась морская рыбалка, а технические возможности плавательных средств позволяли отплывать да-

Рис. 5. Фрагменты керамики культуры дабэнькэн, памятник Наньгуаньлидун [28, р. 43]

Рис. 6. Находки зерен риса на памятнике Наньгуаньлидун [4, р. 53]

леко от берега. Кроме того, установлено, что используемый нефрит не был местным, добывался на восточном побережье в Хуаляне, мета-базальт привозился из Тайдуна, а оливиновый базальт – с о-вов Пэнху. Раковины гигантской тридакны также происходили с о-вов Пэнху или полуострова Хэнчунь. Все это в совокупности говорит о высокой адаптивной способности жителей Наньгуаньли и Наньгуаньлидун и их широких межрегиональных связях.

Начало неолита на противоположной стороне Тайваньского пролива связывается с памятником Цихэдун в уезде Чжанпин провинции Фуцзянь. Неолитический горизонт датируется в диапазоне от 12 до 7 тыс. л.н. Керамика лепная, обжигалась при низких температурах, в основном неорнаментированная, на поздних этапах оформлена оттисками шнура, отпечатками раковин, ногтей, встречаются также налепные элементы и струнный орнамент. Типологически выделяются горшки, миски, котлы, блюда [15, с. 333]. Общие мотивы орнаментации и формы сосудов похожи на встречающиеся в Дабэнькэн, но при этом каменные орудия ранних этапов, скребки, топоры, ножи, тесла, грузила сходны со встречающимися на палеолитической стоянке Тайвань – Чанбинь. В поздних слоях встречаются плечиковые мотыги, шлифованные ножи, уже типичные для культуры дабэнькэн. Среди остеологических материалов встречаются раковины моллюсков, кости рыб.

Средний неолит материковой части Тайваньского пролива представлен культурой кэцюту (6 000 – 5 000 л.н.), локализованной в нижнем течении р. Миньцзян. Наиболее исследованные памятники юго-восточного побережья КНР с севера на юг – Байшаситоу в уезде Миньхоу, памятники уезда Пинтань (в первую очередь – Наньчочан и Кэцюту), Фугодунь в уезде Цзиньмэнь, Чэньцзяо в районе Чаоань и Шакэн в уезде Хайфэн. Ранние материалы данной культуры, например, памятников Кэцюту и Фугодунь, интересны для продолжения сравнений с самыми ранними неолитическими памятниками восточной стороны Тайваньского пролива синхронного времени. Керамика лепная, характеризуется низкотемпературным обжигом и, соответственно, разной цветностью, разной толщиной стенок, орнаментация включает в себя прямые и зигзагообразные линии, узоры краем раковины, оттисками шнура. В ходе технико-типологического анализа установлены примеси крупнозернистого песка, сосуды фор-

мовались способом ленточно-кольцевого налёпа или вытягивались из цельного куска глины. Наиболее типичные формы – чаши на поддонах, миски, круглодонные горшки, большие корчаги [15, с. 334]. Единственная находка сосуда с угловатым шестигранным венчиком похожа на типичные для культуры хэмуду более северных территорий.

Другой, более поздней культурой, представляющей интерес для сравнительного анализа, является уже упоминавшаяся культура таньшишань (Рис. 7). Эпонимный памятник расположен на 20 метровой террасе в нижнем течении реки Миньцзян к западу от г. Фучжоу, в уезде Миньхоу близ деревни Таньши. Самый верхний горизонт относится к бронзовому веку, нижние являются неолитическими и датируются временем 5 500 – 4 000 л.н. [18]. Другие памятники культуры таньшишань в бассейне р. Миньцзян – Чжуанбяньшань, Байшаситоу, Фуцин и т.д. Ее носители занимались выращиванием заливного риса, собирательством, охотой и рыболовством, что проявляется во многочисленности раковинных куч. В рамках исследуемой проблематики стоит обратить внимание на то, что распространены находки крупных видов морских рыб: очевидно, рыбаки могли уходить за добычей далеко в море [30, с. 48]. Труположение на спине с вытянутыми конечностями, редко – на боку с согнутыми конечностями [15, с. 335–336].

Технико-типологический анализ неолитической керамики таньшишань показывает содержание искусственных примесей золы, песка или дробленной раковины моллюска. Это лепные котлы-треножники, чаши на высоком поддоне, горшки на поддоне, как с прямым, так и с широким устьем, горшки с коническим днищем. Котлы большие круглодонные с скругленными ножками. Зафиксировано ретуширование горловины при помощи гончарного круга. Треножники впервые появляются в Фуцзяни именно на данном этапе, что, вероятно, говорит о расширении контактов с севером. Абсолютно идентичные треножники дин и чаши на ножке доу встречаются в этот период во всех юго-восточных культурах – давэнькоу в провинции Шаньдун, сунцзэ в бассейне нижнего течения р. Янцзы, даси и цюйцзялин в среднем течении р. Янцзы. Характерны и экземпляры без искусственных примесей с отпечатками шнура, круглыми отверстиями, хорошо отбитые и полированные. Встречается расписная керамика с черными и

красно-бурыми геометрическими рисунками. Конструкции пяти найденных обжигательных печей позволяли получать температуру до 1000°, что проявляется в более однородной цветности сосудов. Каменные орудия представлены плечиковыми топорами, мотыгами, теслами с уступами, зернотерками и курантами.

На становление таньшишань оказали влияние как культура кэцьютоу, так и лянчжу, и наньшань. Многие черты данных культур прослеживаются и в тайваньских материалах. Так, находки дабэнькэн с кэцьютоу в первую очередь роднят круглодонные сосуды, небольшие вотивные чаши или чаши на поддоне, крышки с круглыми ручками, орнаментация оттисками шнура, зубчатыми насечками вдоль венчика, двойными насечками, отпечатками раковин, а также каменные диски. С культурой таньшишань объединяет наличие кувшинов с налечами по венчику (часто рассеченными насечками), глубоких круглодонных кувшинов с широким устьем, крышек с круглой ручкой, трапезиевидных тесел, использование орнаментации разнообразными прочесами, круглыми оттисками и отпечатками раковин, а также керамика, расписанная геометрическим узором. Треножки на обоих берегах производились по одинаковой технологии – сначала изготовлялось круглодонное полое тело, ножки прикреплялись отдельно [27, с. 87–88]. С культурами лянчжу и хэмуду тайваньские материалы роднят похожие формы топоров, тесел с уступами, месяцевиidных ножей с двумя отверстиями, наконечников стрел, изделий из нефрита в виде полых трубочек (Рис. 8). Особенно отчетливо влияние культуры лянчжу проявляется в принципах обработки нефрита, например, в наличии характерных желобков, вырезаемых каменными ножами. В керамике на материалы лянчжу похожи чаши *доу* на полый ножке (иногда с отверстиями в ней), котлы-треножки и кувшины на полых ножках [27, с. 83–86].

При сравнении хозяйственного уклада носителей прибрежных традиций двух берегов выделяются сходные аспекты – носители обеих культур опирались как на морские, так и на внутренние ресурсы, занимались сельским хозяйством, охотой, рыболовством, сбором моллюсков и клубней. Для обеих культур характерны раковинные кучи из раковин моллюсков и панцирей беспозвоночных, что отражается и в орнаментации керамики раковинами двусторчатых моллюсков *Anadara granosa* и *Anadara*

ehrembergi [21, с. 5–6]. На памятнике Таньшишань найдены зерна риса, датируемые 4 870 – 4 340 л.н., что совпадает со временем появления риса на Тайване.

В данном контексте нельзя не упомянуть культуру наньшань (5 800 – 3 500 л.н.), названную по эпонимному памятнику в уезде Минси провинции Фуцзянь. Керамика второго (5 300 – 4 800 л.н.) и третьего (4 800 – 4 600 л.н.) периодов характеризуется большим количеством черной лощеной керамики с орнаментацией ломаными линиями, оттисками шнура. Представлены котлы, чаши на ножке и горшки. На третьем этапе она становится особенно тонкостенной, без примесей, появляется лощеная белая керамика. Венчик оформлялся насечками. Черная керамика оказалась старше луншаньской, что опровергло устоявшуюся теорию о том, что технология получения тонкостенной черной керамики пришла с севера на юг. Другими материалами, важными для сравнительного анализа с материалами Таньшишань, а, соответственно, и с Тайванем, являются находки на памятнике Наньшань более 5 млн. зерен 38 видов растений. В первую очередь это рис (*oryza sativa*), просо обыкновенное (*panicum miliaceum*), щетинник итальянский (*setaria italica*), встречающиеся в материалах тайваньских памятников [12].

В качестве возможных истоков тайваньского неолита, помимо территории современной провинции Фуцзянь, называется и более южная территория – дельта р. Чжуцзян в провинции Гуандун [37, с. 63–73]. Исследователи часто связывают этот регион с первыми поселенцами на Тайване в связи с наличием в обеих регионах находок колотушек для луба и обряда удаления зубов [39, р. 180]. В данном районе в культуре сяньтоулин-давань (6 000 – 5 000 л.н.) (и последующей баоцзинвань (5 000 – 4 000 л.н.)), культурах раковинных куч, встречается много аналогий материалам Дабэнькэн. Так, например, на памятнике Гаояо в бассейне р. Сицзян крашенная керамика, сюжетно идентичная Дабэнькэн, найдена в слоях раковинных куч, датируемых 5 130 ± 100 л.н. Сходны и рецепты изготовления теста, и способы формования, и наиболее распространенные формы – круглодонные сосуды и посуда на поддоне. В Гуандуне также встречается орнаментация оттисками шнура. Орудийный набор представлен похожими теслами, топорами и наконечниками стрел. Все эти признаки в совокупности доказывают, что о. Тайвань являлся частью ареала распространения

новых технологий в Южно-Китайском море и материковые культуры оказали большое влияние на сложение целого ряда культур, наследующих традиции дабэнькэн [27, с. 87] (Рис. 9).

Примерно 4 500 л.н. на острове Тайвань появляется уже целая серия разнообразных неолитических культур и их локальных вариантов, развившихся на основе дабэнькэн: чжишаньянь и юаньшань на севере; фэнбитоу на архипелаге Пэнху в центральных западных районах и вдоль южного побережья, в дальнейшем – инбу и нюматоу в центре и нючоуцзы и даху на юго-западе; культур цилинь и бэйнань на восточном побережье. Большая часть памятников расположена на низких морских и речных террасах. Стабильность пищевых ресурсов привела к

значительному увеличению численности населения, плотности поселений [16, с. 197–198]. Носители данных культур широко опирались на рисо – и прососяние. Керамика демонстрирует преемственность традиций дабэнькэн, в декорировании продолжают доминировать отпечатки шнура, встречается посуда, покрытая красным ангобом. Каменный инвентарь представлен шлифованными ножами (применимыми для срезания рисовых побегов), теслами, грузилами, проколками, изделиями из нефрита. Культура чжишаньянь (3 000 – 3 500 л.н.) севера острова характеризуется темно-серой керамикой с примесью песка, красной крашеной посудой и находками карбонизированного риса. Культура юаньшань (3 000 – 2 300 л.н.)

Рис. 7. Многообразие керамики памятника Таньшишань в экспозиции музея пров. Фуцзянь (г. Фучжоу, КНР)

Рис. 8. Аналогии находкам культуры дабэнькэн в культуре лянчжоу [27, р. 84]

охватывает более широкий ареал на севере Тайваня [34]. Керамика с примесью песка, часто неорнаментированная, редко – украшенная прочесами или насечками. Встречается узорчатая полихромная керамика. На эпонимном памятнике находят длинные мотыги, топоры, тесла с уступами. Собирательство морских раковин, охота и рыболовство сосуществовали в экономике носителей данной культуры [27]. Культуры нюматоу и инбу (3 500 – 2 000 л.н.) характеризуются черной и красной керамикой, часто с оттисками шнура. Неолитические объ-

екты восточного побережья можно разделить на две группы. В культуре цилинь представлены разнообразные мегалиты – цисты, менгиры, дольмены, колонны, диски, статуи. Памятники расположены преимущественно вдоль береговой линии уезда Тайдун. Датировки определяются примерно – около 4 000 л.н. Культура бэйнань (3 500 – 2 300 л.н.) локализуется в районе Восточной рифтовой долины и характеризуется погребениями из вертикально поставленных сланцевых плит. Керамика из грубого теста, неорнаментированная. Хозяйство носителей

Рис. 9. Аналогии находкам культуры дабэнькэн в культуре сяньтоулин – давань [27, р. 92, 93]

культуры, судя по найденным ножам, серпам, мотыгам и грузилам, сочетало земледелие, охоту, собирательство морских раковин и рыбную ловлю. Керамика центрального, южного Тайваня и островов Пэнху похожа, и нет необходимости делить ее на группы. Материалы фэнбитоу делятся на два периода: ранняя (красная посуда с оттисками шнура) и поздняя (серая или красная керамика с отпечатками шнура, орнаментацией прочерченными линиями). Культура демонстрирует большое разнообразие инструментария сельского хозяйства (топоры, мотыги, серпы), фрагменты зерен риса видны в сломе черепка. Происхождение культуры является неясным: некоторые исследователи видят в ней прямую преемницу дабэнькэн, развившуюся на местной основе, другие считают, что ее носители – потомки новой волны мигрантов с материка [21, p. 11].

Заключение

В силу обширных территориальных границ наше исследование было разделено на два сюжета, с акцентом на региональную близость, миграцию древнего населения и особенности культурного взаимодействия. Первый посвящен появлению гончарного производства на архипелаге Рюкю и коммуникациям с соседними районами (Тайвань, Кюсю), второй – контактам и распространению ранней керамики по берегам Тайваньского пролива.

Если соотнести время существования более северных традиций островной части Японии, одну в южной части Рюкю, а другую – в центральной и северной, с периодизацией эпохи дзёмон в материковой Японии (кроме Хоккайдо), оно будет соответствовать периоду раннего дзёмона (7 000 – 6 500 кал. л.н.). Несмотря на сходные природно-климатические условия и аналогичную адаптационную стратегию охотников-собирателей южной и центральной части Рюкю в культурной идентификации этих районов существуют различия, которые отчетливо проявляются в керамическом комплексе (форма сосудов и виды орнамента).

Наиболее дискуссионными являются ранние даты по керамике из пещеры Сирахо-Саонэtabару. В настоящее время они считаются самым древним свидетельством керамического производства в островной части Юго-Восточной Азии. Тем не менее, из-за отсутствия достаточного количества данных непонятной остается связь между носителями гончарной традиции

Сирахо-Саонэtabару и керамикой стиля *симотабару*. В своей статье 2019 г. Кайси Ямагава совместно с соавторами предложил две возможных гипотезы, основываясь на результатах рентген-флуоресцентного анализа (X-Ray Fluorescence / XRF). Первая гипотеза основана на сходстве теста, возможной преемственности традиций и связи с северной частью Рюкю, но и не исключает влияния на стиль *симотабару* со стороны о. Тайвань. Другая модель также основана на сходстве сырьевой базы, однако в силу отсутствия информации о переходном/связующем этапе между Сирахо-Саонэtabару и *симотабару*, подразумевает угасание/исчезновение первой традиции и формирование второй вследствие миграции населения с Тайваня ок. 5 000 – 4 500 л.н. [40].

В свою очередь процесс формирования керамических традиций по берегам Тайваньского пролива прошел через несколько этапов и связан прежде всего с культурой дабэнькэн. Это наиболее ранняя из известных культур неолита о. Тайвань, однако ее происхождение, по всей видимости, имеет несколько источников. Эта традиция, вероятно, была принесена выходцами с материка, но и в дальнейшем новые волны миграции приносили на остров новые технологии. Культуры кэцюттоу, лянчжу, таньшишань, культуры Гуандуна демонстрируют аналогии в гончарном производстве, оружейном наборе, и их носители принесли на остров и культуры риса – и прососеяния. Культурному влиянию и притоку населения подвергалось в большей степени западное побережье, что отражается в размерах поселений и большей развитости основных технологических приемов по сравнению с восточной частью острова.

Несмотря на то, что археологический материал архипелага Рюкю демонстрирует достаточно раннее присутствие человека в южной части Японии, начиная с 36 000 кал. л.н., самые древние образцы керамики в южной и центральной частях, которые можно отнести к раннему неолиту, известны по материалам только двух памятников – Сирахо-Саонэtabару (10 517 – 10 404 кал. л.н., 9 500 – 8 500 л.н.) и Сакитари-до (9 700 – 8 700 л.н.) [8, с. 132–133; 9, с. 308]. На севере архипелага отмечается сильное влияние со стороны южных районов о. Кюсю. Ярким примером ранних контактов считается керамика с линейными аппликациями с памятников на о. Танэгасима – Санкакуяма I и Окунонита (14 110 – 13 450 кал. л.н.,

12 080 – 11 740 л.н.) [24; 3, с. 4–5]. В то же время на территории о. Тайвань достоверные свидетельства гончарства датируются в интервале 6 000 – 5 500 л.н. Таким образом, контакты между двумя географическими ареалами Тайваньского пролива и архипелагом Рюкю, очевидно, были, но непосредственное влияние на типологию, технологию и орнаментику керамических изделий дзё:мона Рюкю со стороны южного соседа на основании имеющихся данных проследить не удастся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренко Ю.А., Лаптев С.В., Комиссаров С.А. Неолитические памятники Тайваня: культура Дабэнькэн // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 4. С. 22–32.
2. Киносита С., Каку М., Симабукуро А., Симабукуро Х. Симотабару-сики доки то:дзё: ни кансуру итико:сацу (Размышления о причинах появления керамики стиля Симотабару) // Окинава ко:когаку-кай. 2019. Вып. 38. С. 31–50.
3. Кобаяси К. Ниппон рэтто: ни окэру дзё:мон дзидай со:со:ки но нэндай – Кю:сю: но итидзукэ о сия ни ирэтэ (Современные даты по керамике изначального дзё:мона Японского архипелага: с акцентом на материалах о. Кюсю) // Кю:сю: ни окэру дзё:мон дзидай со:со:ки кэнкю: но то:тацу-тэн – Какути но тэйдзю: сэйкацу но ё:со:. Миядзаки: Кю:сю: дзё:мон кэнкю:кай, 2019. С. 3–17.
4. Ли Куанти. Эршии шицзи Тайвань хайся каогусюэ яньцзю дэ циззи (Поворотный момент в исследованиях археологии Тайваньского пролива в 21 веке) // Дун я каогусюэ дэ цзайсы – Чжан Гуанчжи сяньшэн шиши ши чжунянь цзинянь луньвэньцзи. Тайпэй: Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо чубаньшэ, 2013. С. 37–82.
5. Моисеев В.Г. О происхождении населения островов Рюкю: интеграция краниометрических и краниоскопических признаков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 146–152.
6. Окинава-кэн кэнрицу майдзо: бункадзай сэнта:. Хаккуцу тё:са сокухо:-тэн (Центр сохранения культурного наследия преф. Окинава. Археологический бюллетень). Уэхара: Окинава-кэн кэнрицу майдзо: бункадзай сэнта:, 2017.
7. Окинава-кэн кэнрицу майдзо: бункадзай сэнта:. Сирахо-Саонэтабару до:кэцу исэки. Дзю:ё: исэки ханъи какунин тё:са хо:коку-сё (Центр сохранения культурного наследия преф. Окинава. Пещерный памятник Сирахо-Саонэтабару. Основной отчет о проведении дополнительных археологических работ). Уэхара: Окинава-кэн кэнрицу майдзо: бункадзай сэнта:, 2017.
8. Окинава-кэн Нандзё:-си Сакитари-до исэки хаккуцу тё:са хо:коку-сё (Отчет о проведении археологический работ в пещере Сакитари-до, г. Нандзё:, преф. Окинава). Наха: Окинава кэнрицу хакубуцукан бидзюцукан, 2018.
9. Охори Кохэй. Окинава-кэн но дзё:мон дзидай со:со:-ки но ё:со: (Перспективы изучения изначального дзё:мона преф. Окинава) // Кю:сю: ни окэру дзё:мон дзидай со:со:-ки кэнкю: но то:тацу-тэн – Какути но тэйдзю: сэйкацу но ё:со:. Миядзаки: Кю:сю: дзё:мон кэнкю:кай, 2019. С. 307–309.
10. Табарев А.В., Иванова Д.А. Древние культуры южной части Японского архипелага: острова Рюкю // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 13–19.
11. Табарев А.В., Табарева Ю.В., Иванова Д.А., Каномата Й. Археология архипелага Рюкю: период раковинных куч // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 22. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 428–431.
12. Фуцзянь Минси Наньшань ичжи (Памятник Наньшань в уезде Минси провинции Фуцзянь) // Чжунго каогу. URL: <http://www.kaogu.cn/cn/xccz/20180126/60865.html>
13. Цзяо Тяньлун. Лапита вэньхуа юй Дуннань шицян каогу дэ цигэ вэньти (Культура лапита и некоторые проблемы археологии доисторической Юго-Восточной Азии) // Дуннань каогу яньцзю. Т. 3. Сямэнь: Сямэнь дасюэ чубань шэ, 2003. С. 290–304.
14. Чжан Гуанчжи. Чжунго Дуннань хайань каогу юй наньдао юйцзу циюань вэньти (Археология юго-восточного побережья Китая и вопросы происхождения австронезийцев) // Наньфан миньцзу каогу. 1987. № 1. С. 1–14.
15. Юго-восток современной КНР (пров. Фуцзянь) // История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Т. 1. М.: Наука, 2016. С. 332–340.
16. Bellwood, P., 2017. First islanders: prehistory and human migration in Island Southeast Asia. New York: John Wiley and Sons.
17. Bellwood, P., 1988. A hypothesis for Austronesian origins. Asian Perspectives, Vol. 26, no. 1, pp. 107–117.

18. Bellwood, P., 1983. New perspectives on Indo-Malaysian prehistory. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 4, pp. 71–83.
19. Bellwood, P., 1997. Taiwan and the prehistory of the Austronesian-speaking peoples. *Review of Archaeology*, vol. 18, no. 2, pp. 39–48.
20. Chang Kwang-chih, 1977. *The archaeology of Ancient China*. New Haven: Yale University Press.
21. Chang Kwang-chih, 1989. The Neolithic Taiwan Strait. *Kaogu*, Vol. 6, pp. 541–550, 569. Translated by W. Tsao. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=46B636B7885C045BB8D874BAF4A4E5E8?doi=10.1.1.655.3889&rep=rep1&type=pdf>
22. Emery, K.O., Niino, H. and Sullivan, B., 1971. Post-Pleistocene of East China Sea. In: Turekian, K.K. ed., 1971. *Late Cenozoic glacial ages*. New Haven: Yale University Press, pp. 381–390.
23. Hudson, M.J., 2012. ‘Austronesian’ and ‘Jomon’ identities in the Neolithic of the Ryukyu Islands. *Documenta Praehistorica*, Vol. 39, pp. 257–262.
24. Iizuka, F. and Izuho, M., 2017. Late Upper Paleolithic-Initial Jomon transitions, southern Kyushu, Japan: regional scale to macro processes a close look. *Quaternary International*, Vol. 441, Part B, pp. 102–112.
25. Ito, S., 2003. The position of the Ryukyu Jomon culture in the Asia-Pacific region. *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*, Vol. 23, pp. 63–66.
26. Kaner, S. and Taniguchi, Ya., 2017. The development of pottery and associated technological developments in Japan, Korea, and the Russian Far East. In: Habu, J., Lape, P.V. and Olsen, J.W. eds., 2017. *Handbook of East and Southeast Asian archaeology*. New York: Springer, pp. 321–345.
27. Kuo Su-chiu, 2019. New frontiers in the Neolithic archaeology of Taiwan (5600–1800 BP): a perspective of maritime cultural interaction. New York: Springer Nature.
28. Lee Kun-Hsiu, Huang Yulun, Shia Li-Fang., 2013. Patterns and forms of earthenware. *Catalogue of ceramic vessels in prehistoric Taiwan*. Taitung: National Museum of Prehistory.
29. Li Kuang-ti, 2013. Rethinking Tapenkeng culture in the Early Neolithic Taiwan and the issue relating to Austronesian homeland. In: Chen Kwang-tzuu and Tsang Cheng-hwa eds., 2013. *Papers from the Fourth international conference on Sinology: New lights on East Asian archaeology*. Taipei: Academia Sinica, pp. 239–276.
30. Li Kuang-ti, 2001. Prehistoric marine fishing adaptation in Southern Taiwan. *Journal of East Asian Archaeology*, Vol. 3, no. 1, pp. 47–74.
31. Lin, C.C., 1969. Holocene geology of Taiwan. *Acta Geologica Taiwanica*, no. 13, pp. 83–126.
32. Pearson, R.J., 2013. *Ancient Ryukyu: an archaeological study of island communities*. Honolulu: University of Hawaii Press.
33. Summerhayes, G.R., 2016. An Austronesian presence in the Sakishima Islands: an archaeological update. In: Guo, N. and Shogimen, T. eds., 2016. *Japanese studies down under: history, politics, literature and art*. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, pp. 27–37.
34. Sung Wenxun, 1980. The archaeology of Taiwan. In: Chen Chilun ed., 1980. *Taiwan of China*. Taipei: Zhongyang Wenwu Gongyingshe, pp. 93–220.
35. Takamiya, H. et al., 2016. An extraordinary case in human history: prehistoric hunter-gatherer adaptation to the islands of the central Ryukyus (Amami and Okinawa archipelagos), Japan. *The Holocene*, Vol. 26, no. 3, pp. 408–422.
36. Hsieh, J. et al., 2011. Studies on ancient rice – where botanists, agronomists, archeologists, linguists, and ethnologists meet. *Rice*, Vol. 4, pp. 178–183.
37. Tsang Cheng-hwa, 2005. Recent discoveries at the Tapenkeng culture site in Taiwan: implications for the problem of Austronesian origins. In: Sagart, L., Blench, R. and Sanchez-Mazas, A. eds., 2005. *The peopling of East Asia: putting together archaeology, linguistics and genetics*. London: Routledge Curzon, pp. 63–73.
38. Tsukada, M., 1967. Vegetation in subtropical Formosa during Pleistocene glaciations and the Holocene. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, Vol. 3, pp. 49–64.
39. Wu Chunming and Rolett, B.V. eds., 2019. *Prehistoric maritime cultures and seafaring in East Asia*. New York: Springer Nature.
40. Yamagiwa, K. et al., 2019. A possible new oldest pottery group in the Southern Ryukyu Islands, Japan: comparative analysis of elemental components of potsherds from the Shiraho-Saonetabaru Cave Site. *Journal of Archaeological Science: Reports*, Vol. 26, pp. 1–9.
41. Kaifu Y. et al., 2019. Palaeolithic seafaring in East Asia: testing the bamboo raft hypothesis. *Antiquity*, Vol. 93, no. 372, pp. 1424–1441.

REFERENCES

1. Azarenko, Yu. A., Laptev, S. V. and Komissarov, S. A., 2016. Neoliticheskie pamyatniki Taivanya: kul'tura Daben'ken [Neolithic sites of Taiwan: Dabengkeng culture], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, Vol. 15, no. 4, pp. 22–32. (in Russ.)
2. 木下尚子, 郭素秋, 島袋綾野, 島袋春美, 2019. 下田原式土器登場に関する一考察 [A study on the appearance of Shimotabaru pottery], *沖縄考古学会*, Vol. 38, pp. 31–50. (in Japanese)
3. 小林謙一, 2019. 日本列島における縄文時代草創期の年代 - 九州の位置づけを視野に入れて [The chronology of Initial Jōmon pottery in the Japanese Archipelago with special focus on the Kyushu region]. In: 九州における縄文時代草創期研究の到達点各地の定住生活の様相発表要旨・資料集. 第29回九州縄文研究会宮崎大会. 宮崎: 九州縄文研究会, 2019, pp. 3–17. (in Japanese)
4. 李匡悌, 2013. 二十一世纪台湾海峡考古学研究的契机 [Opportunities for archaeological research in the Taiwan Strait in the XXIst century]. In: 张光直先生逝世十周年纪念论文集. 台北: 中央研究院历史语言研究所出版社, 2013, pp. 37–82. (in Chinese)
5. Moiseev, V. G., 2009. O proiskhozhdenii naseleniya ostrovov Ryukyu: integratsiya kranio-metricheskikh i kranioskopicheskikh priznakov [On the origin of the Ryukyu islanders: the integration of craniometric and cranial nonmetric data], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, no. 4, pp. 146–152. (in Russ.)
6. 沖縄県立埋蔵文化財センター. 発掘調査速報展 [Okinawa Prefectural Archaeological Center. Excavation bulletin]. 上原: 沖縄県立埋蔵文化財センター, 2017. (in Japanese)
7. 沖縄県立埋蔵文化財センター. 白保竿根田原洞穴遺跡. 重要遺跡範囲確認調査報告書 [Okinawa Prefectural Archaeological Center. Shiraho-Saonetabaru cave site. Important archeological site confirmation report]. 上原: 沖縄県立埋蔵文化財センター, 2017. (in Japanese)
8. 沖縄県南城市サキタリ洞遺跡発掘調査報告書 [Excavation report of the Sakitari-do cave site, Nanjo City, Okinawa Prefecture]. 那覇: 沖縄県立博物館・美術館, 2018. (in Japanese)
9. 大堀皓平, 2019. 沖縄県の縄文時代草創期の様相 [Prospects of studying Early Jōmon period in Okinawa Prefecture]. In: 九州における縄文時代草創期研究の到達点各地の定住生活の様相発表要旨・資料集. 第29回九州縄文研究会宮崎大会. 宮崎: 九州縄文研究会, 2019, pp. 307–309. (in Japanese)
10. Tabarev, A. V. and Ivanova, D. A., 2019. Drevnie kul'tury yuzhnoi chasti Yaponskogo arhipelaga: ostrova Ryukyu [Ancient cultures of the southern part of Japanese Archipelago: the Ryukyu Islands], *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 1, pp. 13–19. (in Russ.)
11. Tabarev, A. V., Tabareva, Yu. V., Ivanova, D. A. and Kanomata, Y., 2016. Arkheologiya arhipelaga Ryukyu: period rakovinnikh kuch [Archaeology of Ryukyu Archipelago: shell mound period]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. T. 22. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016, pp. 428–431. (in Russ.)
12. 福建明溪南山遗址 [Nanshan site, Mingxi County, Fujian Province]. URL: <http://www.kaogu.cn/cn/xccz/20180126/60865.html> (in Chinese)
13. 焦天龙, 2003. 拉皮塔文化与东南亚史前考古的几个问题 [Lapita culture and some issues of South-East Asian prehistoric archaeology]. In: 东南考古研究: 第三辑. 厦门: 厦门大学出版社, 2003, pp. 290–304. (in Chinese)
14. 张光直, 1987. 中国东南海岸考古与南岛语族起源问题 [Archaeology of Southeastern coastal China and the problem of the origin of the Austronesians], *南方民族考古*, no. 1, pp. 1–14. (in Chinese)
15. Yugo-vostok sovremennoi KNR (prov. Futszyan') [Southeast of modern China (Fujian Province)]. In: *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI v.* T. 1. Moskva: Nauka, 2016, pp. 332–340. (in Russ.)
16. Bellwood, P., 2017. *First islanders: prehistory and human migration in Island Southeast Asia*. New York: John Wiley and Sons.
17. Bellwood, P., 1988. A hypothesis for Austronesian origins. *Asian Perspectives*, Vol. 26, no. 1, pp. 107–117.
18. Bellwood, P., 1983. New perspectives on Indo-Malaysian prehistory. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, Vol. 4, pp. 71–83.
19. Bellwood, P., 1997. Taiwan and the prehistory of the Austronesian-speaking peoples. *Review of Archaeology*, vol. 18, no. 2, pp. 39–48.
20. Chang Kwang-chih, 1977. *The archaeology of Ancient China*. New Haven: Yale University Press.
21. Chang Kwang-chih, 1989. The Neolithic Taiwan Strait. *Kaogu*, Vol. 6, pp. 541–550, 569.

Translated by W. Tsao. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=46B636B7885C045BB8D874BAF4A4E5E8?doi=10.1.1.655.3889&rep=rep1&type=pdf>

22. Emery, K.O., Niino, H. and Sullivan, B., 1971. Post-Pleistocene of East China Sea. In: Turekian, K.K. ed., 1971. Late Cenozoic glacial ages. New Haven: Yale University Press, pp. 381–390.

23. Hudson, M.J., 2012. 'Austronesian' and 'Jomon' identities in the Neolithic of the Ryukyu Islands. *Documenta Praehistorica*, Vol. 39, pp. 257–262.

24. Iizuka, F. and Izuho, M., 2017. Late Upper Paleolithic-Initial Jomon transitions, southern Kyushu, Japan: regional scale to macro processes a close look. *Quaternary International*, Vol. 441, Part B, pp.102–112.

25. Ito, S., 2003. The position of the Ryukyu Jomon culture in the Asia-Pacific region. *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*, Vol. 23, pp. 63–66.

26. Kaner, S. and Taniguchi, Ya., 2017. The development of pottery and associated technological developments in Japan, Korea, and the Russian Far East. In: Habu, J., Lape, P.V. and Olsen, J.W. eds., 2017. *Handbook of East and Southeast Asian archaeology*. New York: Springer, pp. 321–345.

27. Kuo Su-chiu, 2019. New frontiers in the Neolithic archaeology of Taiwan (5600–1800 BP): a perspective of maritime cultural interaction. New York: Springer Nature.

28. Lee Kun-Hsiu, Huang Yulun, Shia Li-Fang., 2013. Patterns and forms of earthenware. Catalogue of ceramic vessels in prehistoric Taiwan. Taitung: National Museum of Prehistory.

29. Li Kuang-ti, 2013. Rethinking Tapenkeng culture in the Early Neolithic Taiwan and the issue relating to Austronesian homeland. In: Chen Kwang-tzuu and Tsang Cheng-hwa eds., 2013. *Papers from the Fourth international conference on Sinology: New lights on East Asian archaeology*. Taipei: Academia Sinica, pp. 239–276.

30. Li Kuang-ti, 2001. Prehistoric marine fishing adaptation in Southern Taiwan. *Journal of East Asian Archaeology*, Vol. 3, no. 1, pp. 47–74.

31. Lin, C.C., 1969. Holocene geology of Taiwan. *Acta Geologica Taiwanica*, no. 13, pp. 83–126.

32. Pearson, R.J., 2013. *Ancient Ryukyu: an archaeological study of island communities*. Honolulu: University of Hawaii Press.

33. Summerhayes, G.R., 2016. An Austronesian presence in the Sakishima Islands: an archaeological update. In: Guo, N. and Shogimen, T. eds., 2016. *Japanese studies down under: history, politics, literature and art*. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies, pp. 27–37.

34. Sung Wenxun, 1980. The archaeology of Taiwan. In: Chen Chilun ed., 1980. *Taiwan of China*. Taipei: Zhongyang Wenwu Gongyingshe, pp. 93–220.

35. Takamiya, H. et al., 2016. An extraordinary case in human history: prehistoric hunter-gatherer adaptation to the islands of the central Ryukyus (Amami and Okinawa archipelagos), Japan. *The Holocene*, Vol. 26, no. 3, pp. 408–422.

36. Hsieh, J. et al., 2011. Studies on ancient rice – where botanists, agronomists, archeologists, linguists, and ethnologists meet. *Rice*, Vol. 4, pp. 178–183.

37. Tsang Cheng-hwa, 2005. Recent discoveries at the Tapenkeng culture site in Taiwan: implications for the problem of Austronesian origins. In: Sagart, L., Blench, R. and Sanchez-Mazas, A. eds., 2005. *The peopling of East Asia: putting together archaeology, linguistics and genetics*. London: Routledge Curzon, pp. 63–73.

38. Tsukada, M., 1967. Vegetation in subtropical Formosa during Pleistocene glaciations and the Holocene. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, Vol. 3, pp. 49–64.

39. Wu Chunming and Rolett, B.V. eds., 2019. *Prehistoric maritime cultures and seafaring in East Asia*. New York: Springer Nature.

40. Yamagiwa, K. et al., 2019. A possible new oldest pottery group in the Southern Ryukyu Islands, Japan: comparative analysis of elemental components of potsherds from the Shiraho-Saonetabaru Cave Site. *Journal of Archaeological Science: Reports*, Vol. 26, pp. 1–9.

41. Kaifu Y. et al., 2019. Palaeolithic seafaring in East Asia: testing the bamboo raft hypothesis. *Antiquity*, Vol. 93, no. 372, pp. 1424–1441.